

Противоположные по полу значения некоторых терминов родства

Когда встала задача исследовать словарный состав татарского языка в диахронном аспекте, нами сделана попытка проследить историю сложения терминов родства в тюркских языках с древнейших времен.

Как известно, при изучении терминов родства татарского языка, были раскрыты факты употребления некоторых терминов в противоположном по полу значении. Так, например, в составе родственной терминологии у мордвы-каратаев были выделены три термина *тэтэ* – отец, *ади* – мать, *ака* – старшая сестра, которые в других языках распространены в значениях *тэтэ* – старшая сестра, старшая родственница, *ака/эжэ/ага* – старший брат, дядя, *ди/аджи/эти* – отец, папа. Любопытно, что такое противоположное по полу значение названных терминов характерно и для чувашского языка: *тете* – старший брат, *акка* – старшие родственницы и др.

Особо следует подчеркнуть то, что эти же термины в тех же значениях бытуют и в финно-угорских языках. Например: у горных марийцев *тютя* – дедушка, *тьоти* – форма обращения к дедушке, к любому старшему мужчине (Федотов: 316), в удмуртском языке *тятя* – отец.

Ака – старшая сестра, младшая тетка по матери в удмуртском и марийском языках. У горных марийцев *ака* – старшая сестра, сестра матери, младшая сестра отца, *аки* – форма обращения к ним, к незамужней женщине старше себя (Федотов: 321). Кроме того, у горных марийцев известен термин *оняка* – старшая сестра мужа, старшая сестра жены; *оняка* < *он* – глава + *ака* – старшая сестра.

Глухой вариант термина *адий* имеется в южных говорах удмуртского языка: *атя* – старшая сестра, бабушка.

Таким образом, рассматриваемые три термина активно бытуют в финно-угорских языках, причем они нередко выражают целую группу

лиц в роду, т.е. имеют классификационный характер. Последнее свидетельствует о древности бытования этих терминов в указанных говорах и диалектах.

Некоторые из вешеназванных терминов рассматриваются финно-угроведами как болгарское заимствование (Феоктистов, 1965:334; Тараканов:96).

Такая общность несомненно объясняется, на наш взгляд, с историческими событиями, в результате которых образовался волжский языковой союз, в результате которых происходил мощный консолидационный процесс объединения народов Среднего Поволжья в единое Булгарское государство.

Вышеуказанные явления у татарского народа сохранились в тех говорах, которые в ходе событий, приведших к конфессиональным различиям, смогли сохраниться лишь в определенных группах, в данном случае у кряшен, изредка и у других (например, в мамадышском говоре) групп.

Сильное кыпчакское проникновение, видимо повлияло на систему родственной терминологии, которая была присуща раннебулгарскому периоду и от которой до нас дошли остатки *би*-системы терминологии родства (*бийана/бийем/бийемем, бийата, бийага*).

Следует особо подчеркнуть, что рассмотренные выше три термина в противоположном по полу значении встречаются и в некоторых говорах татарского языка.

Широко распространенный в татарских говорах и выражающий целый класс старших родственников классификационный женский термин *тәтә(й)* в говорах заказанских, чистопольских, нагайбакских кряшен, также и в ичкинском говоре (*татақай* – дедуля), тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах (*тәтә* – дед) выступает как мужской термин.

Термин *ака* в составе сложного слова *үз' акай/узакай* встречается в ламбирском говоре западного (мишарского) диалекта: *үз' акай* (<мокш.

оцю – большой, крупный + *акай* – старшая родственница) – форма обращения к старшей сестре отца, старшей и младшей сестре матери, близкой родственнице по крови или по браку, к любой женщине старше себя.

Термин *ад'а* (формы обращения: *ад'и, аджи, эжи* и др.) – мать, на наш взгляд, является звонким вариантом татарского термина *ата* – отец. Об этом свидетельствуют и переходные варианты типа *ат'м' у/эчоу/эйчоу* – папа в подберезинском говоре, *ат'у/атчу/этей* – папа в пермском говоре, имеющем много общего с письменным памятником болгарского периода “Киссаи Юсуф” (Рамазанова, 1988:89-97). Варианты *äti/äzi* – *tat*. литер *иде* зафиксированы и в языке эпиграфических памятников Волжской Булгарии (Хакимянов, 1974:29). В памятниках древнетюркской письменности *аѝа* – родственник, *еѝа* – старшая сестра, *еѝа-ара* – предки (ДТС:4,162) и др.

Примеры, когда один и тот же термин употребляется в противоположных значениях, обнаруживаются и в других татарских говорах и других тюркских языках. Так, например, общетюркский термин *ана* с основным значением «старшая сестра» или «мать» в отдельных говорах татарского (например, в мамадышском говоре заказанской группы говоров среднего диалекта), башкирского языков, также и в карачаево-балкарском (*анпа* – дед: Мусаев, 1975:264) известен как мужской термин. Термин *сеңел*, характерный для языков в значении “младшая сестра», в языке чулымских тюрков обозначает брата моего мужа моложе меня, сына старшего брата моего мужа (Покровская: 32,33; Дульзон, 1954: 69).

В чувашском языке противоположные значения по полу присущи целой системе терминов родства : чув. *апа* – бабушка ~ др.-тюрк. *аба* – старший брат; отец, дед; *аѝа* – отец, самец ~ др.-тюрк. *аѝа* – старшая сестра; мать, бабушка; чув. *акка, ака* – старшая сестра ~ др.-тюрк. *ака, ага* – старший брат; чув. *пичче* – старший брат, дядя ~ тат. диал. *печкә* – свекровь, младшая сестра мужа; чув. *шӑллӑ* – младший брат – общетюрк,

сиңил, синил – младшая сестра; чув. пултӑр – младший брат жены ~ тат. балдыз – младшая сестра жены (Ахметьянов, 1978 : 141).

Возможно, эти отклонения представляют собой явления субстратного характера. Они могут быть связаны с тем периодом развития общества, когда еще существовал групповой брак и индивидуализация членов семьи (рода) еще только предстояла.

Данные по некоторым языкам отражают этапы или факты неразличения мужского и женского значения, неразличения кровнородственного и свойственного значения термина.

Так, например, в ностратическое слово KälU - свойственница в уральской семье языков определена и как женский, и как мужской термин: в уральской семье языков: KälU - свойственница (сестра мужа, жена брата и под.); муж сестры. Так же и в алтайской семье языков: жена младшего брата или сына; муж сестры. В семитско-хамитской и картвельской семьях языков термин KälU является женским термином. Хотя в индоевропейской семье языков неразличены значения «золовка, сестра мужа» и «жена брата», так в латинском KälU обозначает, «золовку», «жену брата».

В финском языке (уральская семья языков) KälU, вепс. Kälü – сестра мужа или жены; жена брата (В тюркских языках Сибири также встречается обозначение младших братьев и мужа, и жены одним и тем же термином *йорцо*, а младших сестер и мужа, и жены – термином *балдыз*; материалы автора).

В мокша- и эрзя-мордовских языках соответственно kel, kijal(o) – жена брата мужа, в мокшанском еще локально и «старший деверь».

Любопытные явления характерны для самодийского (selΛ) и ненецкого (sel) языков: жены братьев (по отношению друг к другу); мужья сестер (по отношению друг к другу) (сравни: килендәшләр или абсын и варианты – в первом, бажалар – во втором случаях в татарском, также и в тюркских языках); сестры, вышедшие замуж за братьев, или братья,

женатые на сестрах. То есть, в данном случае также не различаются свойственники и свойственницы в половом отношении (Иллич-Свитыч, 1971:295-296).

Авторы ностратического словаря определяют указанное явление как «Перенос названия на мужчину-свойственника, вероятно, происходил первоначально в ситуации, когда нужно было одновременно охарактеризовать родственные отношения между женами братьев и мужьями сестер в одной семье (Иллич-Свитыч, там же). Заслуживает внимания и такая параллель, когда рассматриваемый термин в значении «мужья...» или «жены братьев...» часто выражает множественное число, что наблюдается и в татарском языке (килендэшләр, абсыннар – русча: сношенцы). Вероятнее всего, на наш взгляд, функции рассматриваемого термина в данном случае сохраняет древнее значение и отражает следы бытования группового брака, смысловые же отличия типа свойственница и свойственник, сношенницы и свояки, тэтә, сецел как мужские, ака, ади – как женские термины в современных языках – это продукт дальнейшего процесса индивидуализации членов семьи, в ходе которой тот или иной термин утвердился в разных языках в различных семантических функциях.

Литература

ДТС: Древнетюркский словарь – Л., 1969. – 676 с.

Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Уч. зап. Томского госпединститута. –Т. XI. – 1954. – С.59–93.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). – Т. I. – 1971. – 370 с.; Т. II. – 1976. – 156 с.; Т. III. – М., 1984. – 135 с.

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западно-кыпчакская группа). – М.: Наука, 1975. – 358 с.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках// Историческое развитие лексики тюркских языков. – М. 1961.

Рамазанова Д.Б. Общие особенности говора пермских татар со старотатарским литературным языком // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С.88-99.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке. – В 2-х кн. Казань, 1991 – Кн. I. – 87 с.; кн. II. – 191 с.

Тараканов И.В. Тюркизмы в удмуртских диалектах по письменным памятникам XVIII в. // Вопросы удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1977.

Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. –Саранск, 1990.

Феоктистов А.П. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // Этногенез мордовского народа. – Саранск. 1965.

Хакимзянов Ф.С. Следы диалектов в языке памятников . Волжской Булгарии // Советская тюркология. – 1974. №4. – С.25-31.